

СОДЕРЖАНИЕ

Незабытые голоса (<i>Л. П. Крысин</i>)	7
Об устной форме речи (<i>Р. Ф. Касаткина</i>)	10
<i>Р. И. Аванесов</i> . О Московской фонологической школе (<i>расшифровка Е. Ю. Кукушкиной</i>)	16
<i>С. М. Бонди</i> . О литературе классицизма (<i>расшифровка Е. В. Щигель</i>)	26
<i>В. В. Виноградов</i> . Разработка вопросов поэтики и стилистики в 20–30-е годы (<i>расшифровка Е. С. Скачедубовой</i>)	33
<i>В. В. Виноградов</i> . Берегите родной язык (<i>расшифровка Е. В. Корпечковой</i>)	39
<i>Т. Г. Винокур</i> . Ушаковские мальчики (<i>расшифровка Е. Ю. Кукушкиной</i>)	42
<i>Т. Г. Винокур</i> . Десять заповедей культуры речевого поведения (<i>расшифровка Е. С. Скачедубовой</i>)	50
<i>С. С. Высотский</i> . О московском народном говоре (<i>расшифровка Д. М. Савинова</i>)	64
<i>С. С. Высотский</i> . Фонотека как источник знаний о языке (<i>расшифровка Д. М. Савинова</i>)	90
<i>С. С. Высотский, И. С. Ильинская и А. А. Реформатский</i> . Беседа о русском произношении (<i>расшифровка Е. Ю. Кукушкиной</i>)	105
<i>А. П. Евгеньева</i> . Воспоминания (<i>расшифровка Е. В. Корпечковой</i>)	118
<i>А. В. Исаченко</i> . О скрытых грамматических категориях (<i>расшифровка Р. Ф. Касаткиной</i>)	126
<i>В. Д. Левин</i> . Искандер Ислахи. Еще один фонетический парадокс (<i>расшифровка Е. Ю. Кукушкиной</i>)	131

<i>В. Н. Сидоров. Работа комиссии по реформе русской орфографии (расшифровка Е. В. Щигель)</i>	134
<i>О. Н. Трубачев. Беседы о методологии научного труда (расшифровка Е. С. Скачедубовой)</i>	157
<i>О. Н. Трубачев. Выступление в Днепропетровском университете (расшифровка Е. В. Щигель)</i>	182
<i>Д. Н. Ушаков. О московском произношении (расшифровка О. В. Антоновой)</i>	189
<i>Р. О. Якобсон. Некоторые вопросы лингвистической семантики (расшифровка Е. С. Скачедубовой)</i>	197
<i>Примечания к текстам (О. В. Антонова, Д. М. Савинов)</i>	208
<i>Персоналии</i>	224

НЕЗАБЫТЫЕ ГОЛОСА

Голоса ушедших от нас людей мы помним долго, практически до конца нашей собственной жизни. Конечно, в памяти остается и их облик, и характер, и поступки. Время постепенно стирает многие из этих черт. Но в любом случае мы можем описать, передать на бумаге то, что сохранилось в нашей памяти: как жил человек, чем он был замечателен, какие его дела и поступки особенно значительны и ценны для нас. Можем описать его лицо, фигуру, манеру двигаться...

А голос? Как описать голос, чтобы это полностью соответствовало тому, что хранится — где? В памяти? В душе? В сердце? Ведь голос матери, любимого учителя (да и нелюбимого тоже), погибшего друга именно звучит в нас, а не просто запоминается. Но воспроизвести его — не в наших силах.

Зато — в силах современной техники. Записанные когда-то, много лет тому назад, слова и речи тех, кто нам был близок или просто чем-либо интересен, мы вновь можем услышать, лишь вставив кассету в магнитофон или диск в компьютер и нажав нужную кнопку. Это несомненное чудо, появившееся в XX веке, чудо, которого были лишены наши предки. Да и мы сами не можем применить это чудо к тем великим, которые жили, например, в девятнадцатом столетии (а как было бы здорово, если бы мы сегодня, в начале XXI века, могли услышать записанный на пленку голос Пушкина или Достоевского!).

Издание, которое вы держите в руках, — не обычная книга, а книга звучащая. По-видимому, в русском языке еще нет единого слова, чтобы назвать этот жанр. Пока такую книгу называют звучащей хрестоматией. Она совмещает в себе черты обычной хрестоматии — то есть книги, в которой объединены некоторые избранные тексты, — и хрестоматии в виде магнитофонных записей; тексты представляют собой расшифровку этих записей. Разумеется, главную функцию выполняют помещенные на диске магнитофонные записи: именно они воскрешают голос, интонацию, тембр, индивидуальные особенности произношения тех, кого с нами давно нет.

В этом издании собраны голоса русских филологов середины и второй половины XX века — Д. Н. Ушакова, В. В. Виноградова, Р. О. Якобсона, С. М. Бонди, А. А. Реформатского, Р. И. Аванесова, В. Н. Сидорова, М. В. Панова, В. Д. Левина и других.

Кое-кто из ныне живущих лингвистов и литературоведов — в основном, представители старшего поколения — слышали этих людей вживе, кто-то имел счастье общаться с ними, а некоторые у них учились. Но таких людей все меньше. А удел новых поколений филологов — общаться с научными авторитетами прошлого главным образом через их книги, через печатный текст, будь то «ушаковский» или «ожеговский» словарь, «Русский язык» Виктора Владимировича Виноградова или нестареющее «Введение в языковедение» Александра Александровича Реформатского.

Вы можете услышать, как звучат голоса этих людей в разных жанровых «регистрах»: например, когда они читают лекции — в аудитории МГУ, как Сергей Михайлович Бонди и Роман Осипович Якобсон, беседуют за столом — как Александр Александрович Реформатский и Сергей Сергеевич Высотский, или — как Виктор Давидович Левин — выступают с пародией, высмеивая наукообразие иных ученых штудий...

Эти записи сохранились благодаря усилиям сотрудников отдела фонетики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН. Раньше этот отдел назывался Лабораторией экспериментальной фонетики (ЛЭФ), и это название вполне соответствовало тому, чем занималась лаборатория: в ней на протяжении многих лет осуществлялась *работа* (а латинский глагол *laborāre*, предок нашей *лаборатории*, как известно, и значил 'работать') — запись на магнитофонную ленту голосов писателей, филологов, ученых других профессий, носителей русских диалектов, просто интересных людей. Часть записей, собранных в книге, сделана сотрудниками ЛЭФ (под руководством С. С. Высотского) А. Б. Венициным, Р. Ф. Касаткиной, А. М. Кузнецовой, а также сотрудниками ИРЯ РАН Е. В. Красильниковой, М. В. Китайгородской, В. В. Одинцовым, Н. Н. Розановой и Л. К. Чельцовой; другие — записи выступлений на радио, лекции — попали в звуковой архив отдела фонетики ИРЯ РАН иными путями. И вот накоплено то, что не назовешь иначе, как культурное богатство: ведь в этих записях сохранены и сами голоса ушедших филологов, и их интеллектуальный и духовный облик, и та культурная среда, в которой они жили и которую одновременно создавали своим научным творчеством.

Кажется, что вместе с этими голосами не только входит в ваш дом филологическая наука прошлого, но и возрождаются иные, порядком стершиеся за последнее время нравственные принципы: верность научной истине (и в то же время терпимость к иному мнению), бескорыстие и преданность выбранной профессии, душевная щедрость, доброжелательность и ровность в общении и со студентом, и с ученым сверстником, и с академическим или университетским начальством.

Вслушайтесь в эти голоса! В них все настоящее — и звучание, и смысл того, о чем говорят наши учителя. В них не только полновесное русское слово, но и подлинная филологическая культура, столь необходимая нашим современникам.

Л. П. Крысин

ОБ УСТНОЙ ФОРМЕ РЕЧИ

Эта книга необычна. В ней представлены звучащие записи устной речи и их письменные эквиваленты (расшифровки аудиозаписей). Необычность книги состоит в том, что в качестве исходной, первичной формы здесь выступает *устная речь*, а письменная фиксация за ней следует. Это отличает данное издание от аудиокниг, где первичен *письменный* текст, который озвучивается чтением (или чтецами). Это всего лишь «озвученная» письменная речь со свойственными именно этой форме законами.

Отношения между устной и письменной формами речи непростые и не всегда осознаваемые, даже в лингвистических кругах. Еще в конце 30-х годов XX в. Й. Вахек писал: «Оказывается безусловно необходимым различать “письменный язык” (“la langue écrite”) и “устный язык” (“la langue parlée”) как две особые системы норм» (подчеркнем слово «особые») и отмечал, что языковеды лишь с большим трудом могут освободиться от гипноза графики, переходя от оптических знаков — букв к акустическим — звукам*. Об этом же совсем недавно говорил и М. Л. Гаспаров: «Несмотря на очевидную первичность устной речи, сложилась очень стойкая традиция, в силу которой устная речь воспринимается на фоне письменной речи и в параметрах этой последней**». Н. И. Жинкин справедливо отмечал, что до недавнего времени мы «изучали “человека молчащего”».

М. Л. Гаспаров пишет: «Даже в фонетике, области, которая, казалась бы, заведомо должна была эмансипироваться в рамках собственно устной речи, воздействие графического образа было и остается определяющим. Еще в начале прошлого века оно имело непосредственно наи-

* Vachek J. Zum Problem der geschriebenen Sprache. Впервые напечатано в 1939 г. в «Travaux du Cercle linguistique de Prague» (TCLP) 8, 1939. Цит. по: Вахек Й. К проблеме письменного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 524.

** Гаспаров М. Л. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. I. Тарту, 1978.

вную форму отождествления звуков с буквами. Однако и последующее интенсивное развитие фонетики и фонологии не изменило данного положения в принципе, поскольку это развитие протекало почти исключительно в рамках сегментных единиц, т. е. таких, которые коррелируют с графическими единицами, либо, во всяком случае, могут быть приведены в такую корреляцию с помощью транскрипции*.

Применительно к русскому языку активное исследование устной речи как особого феномена началось лишь в 60-х годах прошлого столетия, причем в фокусе внимания исследователей был, а во многом и продолжает оставаться лишь один из жанров этой речевой формы — разговорная речь.

Одной из особенностей устной речи является наличие определенного адресата (индивидуального или коллективного): «Письменная и устная речь устроены принципиально различным образом. Устная речь — речь, обращенная к собеседнику, который не только присутствует лично, но и лично знаком»**, и с этим обстоятельством отчасти связана такая особенность устной речи, как высокая степень эллиптичности. Устная речь опускает то, что собеседнику известно. Адресат письменного сообщения абстрактен, лишен индивидуальности, «поэтому письменная речь значительно более детализована»***.

Ю. М. Лотман отмечает: «Устная и письменная речь находятся в постоянном взаимовлиянии, которое в разные культурные эпохи проявляется в стремлении уподобить законы устной речи — письменной или, наоборот, законы письменной речи — устной. Письменная речь дискретна и линейна, устная тяготеет к недискретности и континуумной структуре»****.

В связи с этими обстоятельствами письменные фиксации устной речи для читателя, даже искусственного в лингвистике, выглядят непривычно.

В устной речи значительную роль играют невербальные средства коммуникации — жесты, мимика. Устной речи свойственна не только эллиптичность, но и ее противоположность — избыточность, которая проявляется в повторах, самоперебивах, аутокоррекции и т. д.

* Там же.

** Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 185.

*** Там же.

**** Там же.

В этой форме речи в качестве регулирующего и компенсирующего инструмента выступает просодия — фразовая интонация, система акцентов, паузация.

И эта сторона устной речи продолжает быть недостаточно изученной: «сравнительно очень мало известно о мелодике устной речи, т. е. тех компонентах ее звучания, которые не могут быть непосредственно репродуцированы в выработанной письменной традицией форме записи. Таким образом, звучание устной речи фактически предстает как звуковая корреляция письма»*.

Для каждой из двух форм речи характерен свой арсенал способов подчеркивания коммуникативно важных участков. В то же время существуют и некие общие для рассматриваемых форм речи ресурсы: набор дискурсивных слов (некоторые местоимения, частицы) и порядок слов. В устной речи дополнительно используется свой инструментарий создания семантической выделенности отдельных участков текста — набор разнообразных просодических средств. Это составляет специфику устной речи, специфику, роль которой еще недостаточно оценена в лингвистике. По образному выражению Ф. Мартена, просодические факты — это «бедные родственники официальной и узаконенной лингвистики, которая почти всегда отбрасывала их в сумерки маргинальности». А между тем по отдельным фактам, уже накопленным исследователями звучащей речи, угадываются очертания грандиозной картины, еще недостаточно изученной, отражающей роль просодии в устной форме речи. Темарематическая структура устного высказывания, выявление скрытых грамматических категорий (напр., категории определенности / неопределенности в русском языке), частеречная принадлежность лексем и многое другое — все это в устной русской речи подчинено просодии. В разных языковых системах весомость просодических средств разная, в русской речи она чрезвычайно велика.

Таким образом, устная речь использует три канала передачи информации — вербальный, просодический и визуальный (жесты, мимика), тесно связанные между собой и дополняющие друг друга.

Письменная и устная речь различаются не только по способам передачи информации, по содержанию сообщений и их адресации, но и по различному использованию языковых средств. Различия между двумя формами речи проявляются на разных языковых уровнях, но особенно ярко в синтаксисе и лексике. В многочисленных

* Гаспаров М. Л. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. I. Тарту, 1978.

публикациях, посвященных исследованию разговорной речи, это неоднократно обсуждалось.

Следует различать подготовленные и неподготовленные аудиотексты. Разные жанры устной речи характеризуются разной степенью спонтанности vs подготовленности. Представленные в книге расшифровки аудиозаписей являются наглядной иллюстрацией этого положения: выступление по радио, произнесение («чтение») лекции, доклад перед коллегами, беседа с аспирантами, беседа с друзьями* могут быть расположены по определенной шкале уменьшения подготовленности и нарастания спонтанности. Повторы, паузы хезитации, самоперебивы, паузация — всё это в гораздо большей степени свойственно неподготовленной устной речи.

Согласно У. Чейфу, при восприятии спонтанной речи «различия в порядке слов несущественны» т. к. оперативная память человека не превышает пяти секунд, и за это время слушающий успевает обработать отрезок речи «как единый объект, а не последовательность отдельных звуков»**. Это заключение, основанное на экспериментальных данных американских психологов, позволяет предположить, что «нарушения порядка слов», свойственные устной речи, являются ее имманентной характеристикой.

Устная речь может быть монологической, диалогической и полилогической. В нашей книге представлены в основном записи монологического характера. Вспомним, что под монологом понимается такой вид речевого общения, когда коммуникативная активность принадлежит только одному из собеседников, и в процессе коммуникации не происходит смены ролей «говорящий — слушающий».

Делая письменные расшифровки записей устной речи, мы совмещаем несовместимое: сиюминутное превращаем в долговечное, спонтанное в постоянное, континуальное — в дискретное. Сложную стереоскопическую структуру устной речи мы проецируем на плоскость. Публикуя эти записи, мы меняем и адресатов сообщений. Это обстоятельство объясняет, почему в записях известных филологов, блистательных лекторов, представленных в данной книге, так много «шероховатостей», «неправильностей» с точки зрения исследователей письменной формы речи.

Проиллюстрируем сказанное примерами из помещенных в книге расшифровок аудиозаписей. Случаи аутокоррекции: *Это не было уче-*

* Из перечисленных жанров только последний можно отнести к сфере разговорной речи.

** Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // ВЯ. 2008. № 4. С. 782.

ние о звуковом составе слова, а это было мировоззрение, это было миросозерцание (из доклада Р. И. Аванесова); Концепцию строить из анализа или хотя бы просмотра, пересмотра самих фактов (из лекции С. М. Бонди); И у нас получилось, получались очень тяжеловесные описания; Вот такие десять заповедей, десять заповедей культуры речевого поведения; Вот мы сейчас сказали о вреде многословия, а оно, чаще всего, одновременно есть и пустословие, суетловие. Это начало, интродукция, вступление в общение (из выступления на радио Т. Г. Винокур); Академическая наука, т. е. та филология, которая преподается, излагается на университетских кафедрах (из доклада В. В. Виноградова).

Примеры повторов: Я почему об этом говорю, и не раз говорю, потому что у нас принято считать, так сказать, похлопывать по плечу этих самых классиков (из лекции С. М. Бонди); Он имел образование, так сказать, общее; общее такое образование — Школа правоведения. Это был талантливейший человек, острейший, остро воспринимавший всё. Это был один из самых острых умов, который я вообще в жизни когда-нибудь встречал (из доклада Р. И. Аванесова).

Нарушение порядка слов: Это то, что называется классицизм, которого задача была именно такая (из лекции С. М. Бонди); Ну, система поэтического языка и система практического языка, это, значит, должно было разрабатываться (из доклада В. В. Виноградова); Мама заносила поднос, на котором в подстаканниках обязательно, непременно совершенно, подстаканник-стакан, чаешки не подавались (из беседы Т. Г. Винокур); Я пришел в аудиторию, где Петерсон, Михаил Николаевич — ну вы их тоже, почти все, не знаете; ну, может быть, кто постарше, немножко знает — значит, введение в языкознание. Он на десять-двенадцать-тринадцать лет старше был нас (из доклада Р. И. Аванесова); Конечно, вопрос артикля в таком языке, как немецкий, да и похожее, что в английском тоже, хотя и не совсем тождественно, не такой уж простой, как это могло бы показаться на первый взгляд (из лекции А. В. Исаченко).

Имея дело с определенным адресатом и находясь в своем кругу, говорящий нередко прибегает к языковой игре: использованию диалектизмов, жаргонизмов, элементов просторечия, использует в речи стилистически чуждые элементы, играет с деформацией фонетического облика слов, расцветчивает свою речь «крылатыми выражениями» из латыни и греческого, инкрустациями из жаргона или других языков, занимается словотворчеством. Всё это элементы языковой игры.

Просторечные формы: Мы слыхали о Сосюре, но вообще не читали, и впервые о Сосюре мы услышали из лекции Михаила Николаевича Петерсона (из доклада Р. И. Аванесова); Самое было счастье, если он на колени посóдит (из беседы Т. Г. Винокур); Там хотя нету термина «фонема», но там дано первое, краткое описание фонологической системы (из доклада Р. И. Аванесова); Казалось непонятым, зачем нужно-то огород городить, так долго говорить (из доклада В. Н. Сидорова).

Молодежный жаргон: Как сейчас говорят?.. Ну?.. «Ваще тащусь!» Круто, да; «ваще», «ваще тащусь» (из беседы Т. Г. Винокур).

Окказионализмы: У нас возникли научные связи и так далее; то есть окололингвистика, а не сама лингвистика (из доклада Р. И. Аванесова); Она была самая главная уже сидельщица на колених у Дмитрия Николаевича (из беседы Т. Г. Винокур); Мокропрозрение; попарадоксировать, разворошить все pro и contra (из пародии В. Д. Левина).

Использование иноязычных выражений: Академик Веселовский... ⟨...⟩, затем уже переходя, так сказать, на то, что тогда называлось privatissimo, т. е. на домашние занятия (из выступления В. В. Виноградова). Этот дом имел cour d'honneur (из беседы А. П. Евгеньевой), в том числе латинских: *eo ipso, sapienti sat, suum cuique, in vino veritas* (из пародии В. Д. Левина); *casus Levi* (из лекции А. В. Исаченко).

Надеемся, что представленные в книге тексты будут интересны не только специалистам-филологам, но и самому широкому кругу читателей.

Р. Ф. Касаткина

Р. И. Аванесов

**О МОСКОВСКОЙ
ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ**

**ДОКЛАД НА УЧЕНОМ СОВЕТЕ
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР**

Очень трудно говорить о Московской фонологической школе, потому что говорить о Московской фонологической школе — это надо говорить о всей жизни (ну, кроме детства), с юных лет, с того дня, как я поступил в университет. С другой стороны, говорить о московской фонологии трудно один-полтора часа, можно — целый год, каждую неделю говорить, продолжать читать курс, как в университете читали. Поэтому я даже и не знаю, как мне построить свою беседу: я взял кое-какие материалы, случайно у меня оказавшиеся, но скорее это будет не раскрытие основных положений московской фонологической школы, потому что вы и сами хорошо всё это знаете по работам представителей этой школы, сколько вот та атмосфера, в которой она создавалась, как мы встречались друг с другом, как постепенно у нас возникли научные связи и так далее; то есть «окололингвистика», а не сама лингвистика.

Я дважды поступал в университет: один раз — только что кончив школу, в девятнадцатом году. Надо было подать заявление: «Прошу принять меня на филологический факультет»; причём не важно было, кончил ли я среднюю школу или что... Я проходил мимо университета, я увлекался Достоевским, не лингвистикой, хотел писать работы о Достоевском, подал заявление — «Прошу принять меня в университет». Через три дня я пришел, на стене увидел, что я принят в Московский университет (смеется), но так больше ни разу не был. Не был, потому что это трудные годы, голод и так далее, начал работать — в общем, прошло три года. И вот я уже имел трудовой стаж

два-три года, работал в железном Московско-Киево-Воронежской железной дороге, это «Железнодорожный лесной комитет». Наша организация готовила дрова для паровозов. Угля не было, ничего не было, значит, дровами топили паровозы. И я получил направление от профсоюза деревообделочников в университет, и меня тоже не спросили, ни что я кончил, ни почему я иду в университет, а просто зачислили, потому что этому профсоюзу было дано несколько мест. И вот первого сентября тысяча девятьсот двадцать второго года я пришел в аудиторию, где Петерсон, Михаил Николаевич — ну вы их тоже, почти все, не знаете; ну, может быть, кто постарше немножко знает — значит, <читал> введение в языковедение. Я сел на скамеечку, и рядом со мной подсел молодой человек, очень такой гривастый, черноволосый, скуластый, губастый — это оказался Владимир Николаевич Сидоров <смеется>. Мы с ним разговорились, и..., ну, с этого дня началась, собственно, совместная жизнь, дружба, совместная работа, которая продолжалась очень долго. Ну, до начала войны можно считать, что мы, собственно, всё делали вместе. И порознь даже никто ничего не сделал.

Вот я думаю, если говорить о зародыше, так сказать, того, что у нас началось, то вот это тогда, когда мы встретились в университете. Но надо сказать, что наше, вот, направление складывалось постепенно, из разных мест и разными путями. Как отдельные ручейки складываются в речку, или в реку́, или в реку, лучше сказать, так и мы. Одна из этих тропинок, которая вела к Московской школе, это была совместная работа, моя и Владимира Николаевича. Надо сказать, что это были годы, когда наша наука очень сильно была отгорожена от западноевропейской науки, потому что начиная с четырнадцатого года и в послереволюционное, в особенности первое десятилетие, да и не только первое, не было таких крепких связей, которые установились потом, в наше время, с западноевропейской наукой. Мы слыхали о Соссюре, но вообще не читали, и впервые о Соссюре мы услышали из лекции Михаила Николаевича Петерсона. Причем в такой доморощенной, я бы сказал, редакции, что... Михаил Николаевич очень подчеркивал, что нельзя изучать отдельные особенности языка, а надо изучать язык в целом, «как систему», он говорил. Это первое, что мы услышали. Мы очень рано приобщились к диалектологической работе, потому что мы оба учились у Афанасия Матвеевича Селищева и Дмитрия Николаевича Ушакова, которые направили наши интересы в области фонетики, в области диалектологии. Уже в первые студенческие годы мы участвовали, вначале порознь, в диалектологических экспедици-

ях. И первые мои работы, и работы Владимира Николаевича были посвящены отдельным говорам. В 1927 году мне было сделано сразу два предложения участвовать в диалектологических экспедициях. Одна — с Петром Саввичем Кузнецовым, с которым мы были более далеко связаны (об этом я скажу), а другая с Владимиром Николаевичем Сидоровым. И я колебался, в какую экспедицию поехать: с Петром Саввичем и Андреем Николаевичем Колмогоровым, втроём, на лодках, на Мезень мы собирались поехать, и я с ними уже договорился, но в последнюю минуту я изменил решение, поехал с Владимиром Николаевичем на Ветлугу¹. И вот я думаю, что наш интерес к описанию фонетической системы языка во всей сложности его функционирования относится ко времени, когда мы стали заниматься диалектологией. Мы хотели всё осознать в целостности. Диалектологи обычно записывали то, что, как им кажется, отличает данный диалект от литературного языка. Мы же старались ухватить всё. И у нас получилось, получались очень тяжеловесные описания, в которых очень многое было таким же, как в литературном языке, и в них тонули отдельные элементы диалектной речи. Немножко предвосхищая дальнейшее изложение, я скажу, что в двадцать восьмом году, кажется, наш учитель Михаил Николаевич Петерсон предложил вместе с нами, то есть мной и Владимиром Николаевичем, поехать в диалектологическую экспедицию. Говорит: «Я у вас поучусь, вы уже опытные диалектологи», — а Петерсон уже пожилой профессор, но он никогда в диалектологических экспедициях не был. Мы поехали в село Дорофеево, Шатурского района, Московской области и собирались написать коллективную монографию: я фонетику, Владимир Николаевич морфологию, а он хотел синтаксис описать. Мы там побывали, составили, но мы ничего не напечатали, напечатал один Михаил Николаевич Петерсон в трудах ИФЛИ², в сороковом году, перед войной, в сороковом или сорок первом году³, а наши материалы, как вообще значительная часть моих диалектологических материалов и материалов Владимира Николаевича, остались ненапечатанными. И вот в Московской диалектологической комиссии⁴, наверно в двадцать восьмом году, я делал доклад: «О фонетической системе говора села Дорофеева Шатурского района Московской области». Этот доклад — не знаю, как он был: хорош, плох — но после доклада подошел (вот это характерно для представителей старой, младограмматической индоевропейской, так сказать, школы) Григорий Андреевич Ильинский. Он был очень вежливый человек, пожал мне руку (делал доклад я, от имени нас обоих): «Я очень Вам благодарен за Ваш очень интересный доклад. Но мне

было бы интересно: почему Вы так много говорили о том, что является общим с литературным языком? Может быть, следовало бы выделить собственно диалектное?». Значит, хотя он сказал, что очень интересный доклад, но основная идея доклада как раз заключалась в том, чтобы дать систему диалекта, а не то, чем отличается диалект от литературного языка. Тем более, что я описывал — или мы описывали — подмосковный говор, прекрасный говор, в общем, очень близкий к литературному языку. Отличия там были минимальные. Но мы старались и чередования дать, и так далее. И для Григория Андреевича казалось непонятным, зачем нужно-то огород городить, так долго говорить, когда можно бы очень кратко выделить те особенности, которыми характеризуется этот диалект. И так мы с Владимиром Николаевичем пришли к понятию системы языка применительно к его звуковой стороне, через диалектологию. Другие товарищи наши иными путями приходили к этому же. Например, Александр Александрович* Реформатский, которого я тоже знал с университетских лет (кстати, я скажу, что мы ведь хотя и погодки, но разных лет, и кто был помоложе курсом, кто постарше курсом; но в то время в университете не было курсовой системы; была система предметная, и могли первый и пятый курс встретиться на любом семинаре, выбирали просто лекции и курсы, которые слушали). Реформатский был старше нас и годами, и по курсам, но мы довольно рано встречались, хотя в первые годы особенно близки не были. Реформатский рано стал работать в издательствах, он был техредом, как говорится, техническим редактором, а потом даже работал по оформлению книг и написал прекрасную большую книгу, не знаю, видели ли вы ее или нет, уже в тридцатых годах, где обобщил свой опыт техники оформления книги⁵. Но там были и вопросы графики, вопросы орфографической системы, вообще, общие вопросы семиотики и так далее. Вот и из таких прикладных исследований графики, орфографии, оформления книги он постепенно тоже приходил к вопросам фонологии.

Из самых ранних моментов в организации нашей группы и нашей работы в области фонологии относится объединение, которое, наверное Реформатский, назвал ДАРС. ДАРС — это было объединение четырёх лиц. Первое лицо, вам как раз неизвестное, Сергей Иванович Дмитриев, наш товарищ по университету — Д, А — это Аванесов, Р — это Реформатский, С — это Сидоров. Значит, мы наметили писать какую-то большую книгу, вроде «Основы языковедения», где я должен был написать опять-таки фонетику, Реформатский — морфологию,

* Произнесено: *Алексан Саньч*.